

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бандит заозирался — ну и мерзкий же у него был взгляд! — и пришел к выводу, что бежать ему некуда. Дело происходило на каком-то большом и темном складе. Под потолком — мрачноватые окна, у стен — высоченные штабеля разнообразных механизмов. Я понятия не имел, причем тут вообще был склад и как он относился к делу, но одно знал наверняка: этот парень совершенно точно отъявленный бандит, это по одному его мерзопакостному взгляду понятно. В воздухе повис кислотоватый аромат приближающейся победы, чем-то напоминающий запах тех кошерных соленых огурчиков, которые Берни вечно клал в сэндвичи — я как-то попробовал один, и это был последний и единственный раз, когда я был согласен съесть кошерный огурчик. А вот против сэндвичей я ничего не имею.

В общем, я бросился вперед и схватил бандита за штанину. Дело закрыто.

В ответ бандит жутко заорал — и это был абсолютно кошмарный, визгливый звук, от которого хотелось немедленно зажать уши. К сожалению, сделать я этого не

мог. Не подумайте, я не жалуясь — я собой полностью доволен, пусть и уши у меня, оказывается, разные. Но об этом, впрочем, я расскажу как-нибудь в другой раз. Так вот, бандит завопил, и до меня дошло, что схватил я его не только за штанину. Такое иногда случается — все-таки зубы у меня длиннее и острее ваших, так что перестараться тут немудрено.

Так, а это... Да, точно, теперь я ясно почувствовал во рту привкус крови. Извините, ошибочка вышла.

Хотя, по правде говоря, ошибочка довольно приятная.

— Убери его! — заорал бандит. — Я сдаюсь.

К нам подбежал Берни.

— Хорошая работа, Чет, — сказал он, пыхтя и отдуваясь. Бедняга. Берни отчаянно и абсолютно безуспешно пытался бросить курить.

— Да убери ты его! Он меня укусил!

— Чет не кусается, — возразил Берни. — Уж точно не нарочно.

— Не нарочно? Да что ты несешь...

— Но с другой стороны, сейчас Чету очень понравилось бы получить от тебя признание во всем.

— Чего? Да это же просто гребаная собака.

— Повежливее, — строго сказал Берни.

Бандит перевел на меня ошалелый взгляд, затем вновь взглянул на Берни. Какой же мерзкий все-таки тип.

— Но это собака.

— Совершенно верно, — подтвердил Берни.

Я завилял хвостом и, поддавшись настроению — кто не обрадуется тому, что выполнил свою работу на отлично? — самую малость встряхнул головой.

— Ай-ай-ай! Я сознаюсь! Я во всем сознаюсь!

— В чем?

— В чем? В том что украл драгоценности из «Эль-камино». Слушай, ради всего святого...

— Украл драгоценности? — переспросил Берни. — Мы тут поводу поджога в баре «Ранчо».

— И в этом тоже, — быстро проговорил бандит. — Только уברי его.

— Чет? — позвал Берни. — Эй, Чет?

Ладно-ладно. Кстати, вы никогда не замечали, какая человеческая кровь вкусная?

Несколько часов спустя мы закрыли целых два дела — одно о поджоге, а другое — о похищенных драгоценностях, и это было очень кстати. С финансами у нас было туго — алименты на жену и ребенка и так отнимали немалую часть зарплаты, а тут еще Берни крайне неудачно вложился в компанию, которая придумала выпускать гавайские штаны. Это как гавайские рубашки — Берни иногда их носит — но только штаны. Да и с работой было не все слава богу — в основном —слезка за неверными супругами и никакого веселья. Мы с Берни управляли детективным агентством «Детективное агентство Литтла», названное так в честь фамилии Берни — собственно, Литтл. А меня зовут Чет — просто и со вкусом.

Наш штаб — а по совместительству и дом, в котором мы жили — находился на Мескит-роуд. Местечко тут было симпатичное — перед домом росло большое дерево, под которым было так сладко спать, а через задний двор можно было выйти напрямиком к каньону, если, конечно, кто-нибудь позаботится оставить открытой калитку. А в каньоне... Ладно, я что-то увлекся.

— Время как следует отпраздновать, — заявил Берни. — Как насчет жевательной косточки?

Он что, всерьез спрашивает? Кто вообще откажется от жевательной косточки?

Берни открыл кухонный шкафчик, висящий над раковиной — там он хранил все мои лакомства. Так было не всегда. Когда-то было время — очень приятное время, надо сказать — когда вкуности лежали прямо на нижних полках стеллажа. Продлилось это недолго.

— И раз уж такое дело... — Ой-ей: тут Берни потянулся за бутылкой бурбона, стоящей рядом с коробкой косточек.

Мы вышли на задний двор, расположились поудобнее и принялись наблюдать, как над каньоном садится закатное солнце. Берни устроился за столом и знай потягивал бурбон, я — под столом, пытаюсь справиться с упругой жевательной косточкой. Это была не просто какая-то там косточка. Это была косточка высшего сорта, сделанная из сыровяленой свиной кожи и обладающей тонким вкусом бекона. Производство — «Ровер-энд-Кампани». Фирмой вроде как владел наш приятель Саймон, с которым мы познакомились, когда занимались поисками пропавшего человека. В таких делах мы были первоклассными специалистами.

Запах бекона — лучший запах в мире — окутал меня плотным облаком. Я кинул на Берни взгляд сквозь прозрачное стекло столешницы. Интересно, чувствовал ли он этот аромат? Скорее всего, нет. Меня всегда поражало, как слабо развито его — да и всех остальных людей в целом — обоняние.

Берни взглянул на меня в ответ.

— О чем думаешь, приятель? Ставлю на то, что вспоминаешь, как ты загнал того парня в угол, — а вот и не угадал. Правда, в этот же момент Берни наклонился и почесал меня между ушами, — и я вдруг осознал, что все это время умирал от желания, чтобы кто-то почесал меня именно в этом месте. Мой хвост пару раз дернулся, и Берни рассмеялся. — Всегда знаю, что у тебя на уме, — вовсе нет, но спорить я не собирался. Пока он чешет меня за ушами — прямо как надо, глубоко погружая пальцы в шерсть — он волен верить во все что угодно.

Берни вдруг убрал руку — как всегда, слишком уж быстро — и сказал:

— Как насчет «Горной засады»? Я считаю, мы это заслужили.

Я тут же вскочил на ноги, одним махом проглатывая то, что осталось от жевательной косточки. Салун-стейкхаус «Горная засада» был одним из наших любимейших мест. Перед входной дверью у них стоял вырезанный из дерева ковбой в натуральную величину — как-то раз я задрал перед ним лапу, что с моей стороны, конечно, было очень нехорошим поступком, но противостоять соблазну я не мог — а позади находилась очень приятная веранда, где всегда можно было посидеть, наслаждаясь ужином.

Мы отправились к поршу — старенький, без верха, он служил заменой чуть менее древнему поршу-без-верха, канувшему на самое дно каньона. Этот день я никогда не забуду.

Ладно, если честно, то большую его часть я уже забыл.

Новый старый порш был коричневым, с желтыми дверями. Берни сел за руль, я — на пассажирское сиденье

рядом. Люблю ездить на переднем месте — а кто вообще не любит? Я высунул голову, подставив нос ветру. Запахи пролетали мимо, исчезая быстрее, чем я мог разобраться в том, что они значили. Удовольствие, которое, боюсь, никогда не постичь вам, людям.

— Эй, Чет, приятель. Уступи и мне немного места, — ой. Слишком уж навалился на Берни. Я сдвинулся ближе к своей двери. — И хватит пускать слюни.

Я? Слюни пускаю? Я отодвинулся так далеко, как только мог, и неподвижно замер на месте — спина прямая, глаза смотрят прямо на дорогу, взгляд серьезный. Между прочим, не только у меня тут проблемы со слюноотделением. Я много раз видел, как Берни слюнявит во сне подушку. И Леда, его бывшая жена, тоже была неоднократно за этим замечена. Так что люди тоже еще как слюни пускают. И разве я хоть раз кого-то этим упрекнул? Сделал хоть малейшее замечание? Стал относиться хуже? То-то же.

Вскоре мы уже сидели на веранде стейкхауса, расположившись у барной стойки — Берни на стуле, я рядом, на полу. Солнце уже припекало не так сильно — да что там припекало, придавливало своим жаром к земле, словно тяжелое одеяло, сброшенное сверху — но температура еще не спала, так что лежать на холодных плитах пола было одним удовольствием.

— Что это там? — спросил Берни, кивком головы указывая на противоположную сторону улицы.

— Что «что»? — уточнил бармен.

— Дырка в земле.

— Да это для многоквартирного дома. То ли в десять этажей, то ли в пятнадцать.

Выразительные, темные брови Берни обладали своим собственным языком. Иногда — вот прямо как сейчас — они приходили в движение, и все лицо Берни, обычно довольно приятное на вид, некрасиво темнело.

— А когда водоносный горизонт пересохнет, что они делать будут? — сказал он.

— Водоносный горизонт? — переспросил бармен.

— Вы вообще знаете, сколько сейчас людей в Долине живет?

— Во всей долине? — уточнил бармен. — Ну, в том доме наверняка поместятся.

Берни бросил на него выразительный взгляд и заказал двойной виски.

К нам подошла официантка в ковбойской шляпе.

— Неужто это Чет? Давненько я тебя не видела, — она опустила на колени и потрепала меня по голове. — Ты как, все еще любишь мясные обрезки? — а с чего бы это должно измениться? — Эй, полегче, мальчик.

Берни заказал бургер и еще бурбона, а мне взял мясных обрезков и воды. Лицо его снова стало прежним — к моему большому облегчению. Берни вечно беспокоился о водоносном горизонте, и иногда его порядком заносило. Вся здешняя вода выкачивается именно оттуда — я множество раз слышал, как Берни об этом рассказывает, хотя, честно говоря, сам ни разу никакого водоносного горизонта не видел, чем бы это за штука ни была. Я вообще плохо понимал, в чем соль: в Долине было предостаточно воды — как иначе объяснить все эти брызгалки на площадках для гольфа, которые неизменно включаются утром и вечером? От них еще появляются абсолютно чудесные маленькие радуги. В общем, воды у нас было — хоть залейся.

Я встал и ткнулся головой в бедро Берни. Он легонько почесал меня между бровей — в том самом месте, куда я ни за что не дотянулся бы. Чистое блаженство. Тут же я заметил упавшую под стул картошку фри и мигом ее подобрал.

Спустя пару стаканов бурбона на веранду зашел лейтенант Стайн из городской полиции — маленький человечек в опрятном темном костюме. Когда-то давно Берни доводилось с ним работать — действительно давно, еще до моих приключений в кинологической школе (меня выперли в самый последний день, в общем, история долгая, и в ней прямым образом был замешан кот). Впоследствии лейтенант Стайн помог нам с Берни обрести друг друга, хотя точных деталей я уже и не вспомню.

— Слышал, ты закрыл дело об «Эль-Камино», — сказал лейтенант. — Хорошая работа.

— По большей части мне просто повезло, — ответил Берни.

— С чистосердечным признанием тебе тоже просто повезло?

— Это уже работа Чета.

Лейтенант Стайн перевел взгляд вниз и увидел меня. Лицо у него было узкое, губы — тонкие, и я очень редко видел, чтобы он улыбался. Сейчас он, тем не менее, улыбнулся — и выглядело это слегка угрожающе.

— А он хороший дознаватель, — заметил лейтенант.

— Лучший, — подтвердил Берни. Я вильнул хвостом.

— Я так понимаю, награда за это дело тоже неплохая, — как бы невзначай сказал лейтенант Стайн. Сидящий неподалеку парень в гавайской рубашке при этих словах тут же перевел на нас заинтересованный взгляд.

— Не жалуюсь, — не стал увиливать Берни. — Что будешь пить?

Спустя минуту они уже чокались стаканами. К этому времени я уже не мог сосчитать, сколько виски успел заказать Берни. Счет — это вообще не моя сильная сторона, по крайней мере, когда речь идет о количестве больше двух.

— Рад, что я на вас наткнулся, — сказал лейтенант Стайн. — У меня тут есть дельце, которое может оказаться в вашей компетенции.

— Это ты о чем?

Лейтенант Стайн бросил на меня взгляд.

— Да точно в вашей компетенции, если так подумать, — сказал он. — И прибыльное к тому же.

— Мы все внимание, — уверил его Берни. Лейтенант Стайн понизил голос — не настолько, конечно, чтобы я пропустил что-то мимо ушей. Я уже говорил, какой у меня острый слух, или я только про зубы рассказывал? Вот вам пример: прямо сейчас я слышал, как женщина, сидящая на дальней стороне веранды, говорит в свой телефон: «Они увеличили мне дозировку лекарств». Это звучало очень интересно, так что я полностью упустил начало фразы лейтенанта Стайна, но уловил самый конец:

— Собачья выставка «Грейт-Вестерн».

— Никогда о такой не слышал, — ответил Берни.

— Я удивлен. О ней много разговоров было.

Берни пожал плечами. Я обожал, когда он так делает. Вот бы и я так умел! Я попробовал повторить этот жест, но добился только вставшей на загривке шерсти.

— ...состоится на Арене в конце следующей недели, — продолжал лейтенант. — Раньше ее проводили

в Денвере, но мэру удалось заманить организаторов к нам.

— Зачем?

— Ради денег, которые они привлекут в Долину, зачем же еще?

— Каких денег?

— Еда, напитки, бронь в гостиницах — вся эта туристическая чепуха, — объяснил лейтенант Стайн. — Одни только цветы принесут кучу прибыли.

— Цветы?

— Именно, — подтвердил лейтенант. — Люди, которые приедут посмотреть на «Грейт-Вестерн», принадлежат к совершенно определенному экономическому классу. Любимому экономическому классу нашего мэра, надо заметить.

— Я думал, этот парень реформист.

— Много кто так думает.

— И что таинственный наниматель хочет, чтобы я сделал? — спросил Берни, заливая в себя бурбон. — Предоставил комнату для съема?

Лейтенант Стайн рассмеялся. Было в его смехе что-то металлическое, от чего уши у меня заболели.

— Не совсем, — сказал он. — По правде говоря, не то чтобы речь шла именно о тебе — он, скорее всего, о тебе никогда и не слышал — но ему нужен кто-то вроде тебя.

— Зачем?

Лейтенант заговорил еще тише.

— Для охраны.

— Не-а.

— Не-а? Вот так просто?

— Мы не нанимаемся в телохранители.

— А как же дело о Рамирезе-младшем?

— После этого и не занимаемся.

— Тут все по-другому. Во-первых, тебе заплатят две штуки в день. Во-вторых, по сравнению с психованным идиотом Рамирезом этот клиент — просто прогулка в парке, — лейтенант Стайн снова рассмеялся своим металлическим смехом. — Причем в буквальном смысле.

— Две штуки? — переспросил Берни.

— И премия, если не возникнет никаких сложностей.

— Кто клиент? — и, несмотря на то, что я прекрасно помнил, каково было сторожить Рамиреза-младшего — и особенно хорошо я помнил инцидент с мороженым и бритвой — я был рад. С финансами у нас было туго, а две штуки это две штуки, а целая неделя, когда тебе платят две штуки, это... ну, в общем, сами посчитайте.

Лейтенант Стайн достал из кармана куртку фотографию.

— Это еще что? — спросил Берни.

— Это ее длиннущее имя, написанное на обороте, — сказал лейтенант. — Белл, первая Леди Кингсберри. Но обычно ее зовут просто принцессой.

— Клиентка что, собака?

Я сел. Берни глазел на фото, и я тоже смог бросить на него взгляд. Что, кто-то из моего рода был на этой фотографии? Да где? Наконец, я ее заметил: крохотный пушистый шар с огромными темными глазами, возлежащий на атласной подушке. С атласными подушками я был знаком: у Леды была такая. Потом, правда, я ее сжевал в каком-то припадке безумия, но о подробностях даже не просите — помню я это смутно. Но вкус шелка я запомнил: странный, интригующе-необычный, он ярко отпечатался на подкорке моей памяти.

Я оглядел бар. Никаких признаков атласа.

— Не просто собака, — поправил лейтенант Стайн. — Принцесса — одна из лучших собак страны. Она выиграла первое место на выставке в Балморале.

— Где?

— Ты не знаешь про Балморал? Его по телевизору каждый год крутят — это крупнейшая собачья выставка в стране.

— Никогда не слышал, — покачал головой Берни, и лейтенант Стайн косо на него посмотрел. Я нередко видел, как другие друзья Берни кидают на него тот же взгляд — и сержант Торренс из отдела розыска пропавших людей, и Отис ДеВейн, у которого мы покупали оружие — но никогда не знал, что этот взгляд должен значить.

— Значит, ты работу не хочешь? — спросил лейтенант.

Работу? Какую работу? Убедиться, что никто не обидит пушистый шар на атласной подушке? Это не работа, это халявные деньги. Не глупи, Берни.

— А кто хозяйка собаки? — спросил он.

— Женщина по имени Аделина Боргезе.

— Откуда она?

— Из Италии, по-моему. У нее есть несколько предприятий в Рио Локо.

— Рио Локо? — переспросил Берни. — Я с ней говорю.

Лейтенант кивнул.

— Знал, что ты не сможешь отказать такому количеству деньжищ.

Мужик в гавайской рубашке снова заинтересованно на нас взглянул, а брови Берни слегка опустились к переносице.

— Просто поговорю с ней, и все. Может, я и не соглашусь.